

Вашингтон Ирвинг

Вольферт Веббер,
или Золотые сны

Перевод с английского
Анания Бобовича

ФТМ

Вашингтон Ирвинг

Вольферт Веббер, или Золотые сны

«ФТМ»

1824

Ирвинг В.

Вольферт Веббер, или Золотые сны / В. Ирвинг — «ФТМ», 1824

Вашингтон Ирвинг – первый американский писатель, получивший мировую известность и завоевавший молодой американской литературе «право гражданства» в сознании многоопытного и взыскательного европейского читателя, «первый посол Нового мира в Старом», по выражению У. Теккерея. Ирвинг явился первооткрывателем ставших впоследствии магистральными в литературе США тем, он первый разработал новеллу, излюбленный жанр американских писателей, и создал прозаический стиль, который считался образцовым на протяжении нескольких поколений. В новеллах Ирвинг предстает как истинный романтик. Первый романтик, которого выдвинула американская литература.

© Ирвинг В., 1824

© ФТМ, 1824

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Вашингтон Ирвинг

Вольферт Веббер, или Золотые сны

В году от Рождества спасителя нашего тысяча семьсот... — каком точно, не вспомню, во всяком случае в самом начале прошлого века — в старинном городке Манхеттен обитал некий весьма почтенный бюргер по имени Вольферт Веббер. Происходил этот Вольферт Веббер от старого Кобуса Веббера из города Брилле в Голландии. Что касается Кобуса Веббера, то он был одним из первых переселенцев, прибыл в провинцию еще во времена правления Олофа ван Кортландта, или иначе Сновидца, и прославился тем, что первый в этих местах взялся за выращивание капусты.

Участок земли, на котором когда-то осел Кобус Веббер со своею капустой, сделался с той поры достоянием рода, продолжавшего с похвальным и отличающим наших голландских бюргеров постоянством заниматься тою же отраслью огородничества. Несколько поколений сряду все семейные способности и дарования Вебберов были направлены лишь на то, чтобы изучить и улучшить этот некогда благородный овощ, и не в чем ином, как в этой концентрации мысли должно видеть истинную причину невероятных объема и славы, обретенных капустою Вебберов.

Династия Вебберов продолжалась непрерывною чередою, и никогда ни одна семья не предъявляла столь неоспоримых свидетельств законного происхождения всех ее членов. Старший сын наследовал от отца не только земельный участок, но и его внешность, и если бы были написаны портреты этого рода невозмутимых и спокойных властителей, они предстали бы перед ними рядом голов, которые являли бы собой поразительное сходство, как по форме, так и по величине, с овощами, над которыми они неограниченно властвовали.

Глава рода неизменно имел местопребывание в родовом замке, то есть в построенном на голландский манер доме из желтого кирпича, с фронтоном под двускатною островерхою крышей, увенчанною всегдашним железным флюгером-петушком. Все в этом здании имело добротный, почтенный вид. Стайки стрижей населяли крошечные деревянные домики, прибитые вдоль его стен; ласточки гнездились под навесом крыши, а всякий знает, что эти льнущие к человеку птички приносят счастье тому жилью, в котором нашли для себя приют. И в солнечное ясное утро, в начале лета, приятно и радостно было слушать их веселые, беспечные голоса, когда они порхали в чистом, пьянящем свежестю воздухе и как бы славили своим щебетом величие и процветание Вебберов. Так-то спокойно и безмятежно произрастал этот блистательный род под сенью могучей чинары, которая мало-помалу разрослась настолько, что закрыла своею тенью весь их дворец. К их владениям все ближе и ближе подступал предместьями город. Поднимались дома, закрывавшие привычные виды; проселки, пробегавшие рядом, превращались в шумные и людные улицы; короче говоря, сохраняя обычаи и уклад сельской жизни, Вебберы начали чувствовать себя горожанами. И все же, несмотря на это, они держались своего наследственного характера и наследственных владений с тем же упорством и тою же цепкостью, с какими маленькие немецкие государи жмутся среди обширной империи. Вольферт был последним представителем рода и, унаследовав от предков родовую скамью у входной двери под родовым деревом, хранил скипетр и державу прадедов и представлял собою нечто вроде сельского князя внутри метрополии.

Дабы разделить заботы и радости единодержавия, он избрал помощницу и супругу — одну из тех превосходных женщин, которых зовут хлопотуньями; это значит, что жена его принадлежала к разряду тех маленьких домовитых хозяек, что всегда суетятся и всегда заняты, даже тогда, когда делать в сущности нечего. Ее деятельность, впрочем, при-

няла несколько одностороннее направление. Казалось, что вся ее жизнь посвящена непрерывному, самозабвенному, не имеющему ни конца ни края вязанию. Была ли она дома или в гостях, на ногах или в кресле, спицы ее неизменно пребывали в движении, и утверждают, что благодаря своему неутомимому прилежанию она почти полностью обеспечивала свое хозяйство потребным количеством носков и чулок. Эту достойную чету небо благословило единственной дочерью, возвращенною с нежностью и заботливостью. На ее воспитание было положено неимоверно много труда, так что она умела шить самую разнообразную строчкой, готовить варенья и соленья всякого рода и даже вышить по канве свое имя. Влияние ее вкусов и склонностей можно было заметить на их огороде, где, наряду с полезным, появилось и то, что попросту радует глаз; так, например, ряды горделивых златоцветов, или иначе ноготков, и великолепных мальв окаймляли грядки с капустою, и гигантские подсолнечники склоняли на изгородь свои тяжелые круглые лица, и казалось, что они со страстью и увлечением строят глазки прохожим.

Так-то мирно и безмятежно существовал Вольферт Веббер – единодержавный властитель унаследованных им родительских акров. Впрочем, и у него, как у всех сильных мира сего, бывали свои заботы и огорчения. Рост родного города вызывал в нем порою досаду. Его небольшой участок земли мало-помалу оказался зажат улицами и домами, которые мешали притоку воздуха и заслоняли собою солнце. К тому же время от времени огород его подвергался нашествиям пограничного люда, который обычно бесчинствует на рубежах государства, и эти ночные набеги стоили ему иногда нескольких взводов его наиболее благородных подданных, уведенных в плен неприятелем. Если ворота почему-либо оставались незапертыми, сюда также, случалось, вторгалась какая-нибудь праздношатающаяся свинья, оставлявшая за собою пустыню и разорение, а негодяи-мальчишки частенько предавали обезглавливанию знаменитые на всю округу подсолнечники – гордость его огорода, – нежно и томно склонявшие свои головы над забором. Но все это были в сущности пустяковые огорчения, которые могли порою смутить поверхность его души, подобно летнему ветерку, смущающему легкою рябью поверхность мельничного пруда, но которые не могли нарушить по-настоящему глубоко заложенное спокойствие его духа. В таких случаях он брался за свою верную, надежную палку, что стояла постоянно за дверью, выбегал внезапно наружу и награждал ею спину дерзкого нарушителя собственности, будь то свинья или какой-нибудь сорванец, после чего, поразительным образом освежившись и успокоившись, возвращался домой.

Главная причина тревоги честного Вольферта заключалась, однако, во все возрастающем процветании города. Стоимость жизни удвоилась и даже утроилась, тогда как не в его власти было удвоить или утроить величину капустных голов, а о том, чтобы повисить их пену, не могло быть и речи, ввиду возросшего числа конкурентов. Таким образом, вследствие того что все вокруг него богатели и богатели, Вольферт становился все бедней и бедней и сколько ни бился, не видел средства, способного избавить от этой беды.

Эта все возрастающая со дня на день забота накладывала постепенно свой отпечаток и на облик нашего почтенного бюргера. Дело дошло до того, что на его лбу появились две – три морщины – вещь в семействе Вебберов дотоле неслыханная, – и казалось, что она-то и загнула вверх углы его треуголки, придав ей выражение какой-то встревоженности, совершенно не свойственное невозмутимым широкополым касторовым шляпам с низкою тульей, которые носили когда-то его славные предки.

Возможно, что даже это не нарушило бы всерьез ясности его духа, будь на нем бремя заботы лишь о себе да жене, но ведь была еще подраставшая дочь, а всему свету известно, что когда дочери становятся взрослыми, они требуют такого присмотра и такого ухода, какого не требует ни один плод и ни один цветок на всем белом свете. Я не обладаю талантом описывать женские чары, не то я с радостью изобразил бы, как медленно и постепенно рас-

цветала эта красотка-голландка; как синие глаза ее делались все глубже и глубже, ее яркие губки все алей и алей, как в свежем дыхании своих шестнадцати лет она мало-помалу созревала и округлялась, пока в семнадцатую весну ее жизни не стало казаться, что еще немного – и она разорвет путы своего корсажа и распухнет пышным цветком, словно бутон расцветающей розы.

О, если бы мне было дано изобразить ее такою, какою бывала она по утрам в воскресенье, во всей роскоши наследственного наряда, что хранился в старинном голландском шкафу, ключи от которого ей доверила мать! Подвенечное платье прабабушки, слегка перешитое в соответствии с модой, украшенное богатой отделкою и передаваемое из поколения в поколение вместе с наследственным ткацким станком; матовые темные волосы, приглаженные с помощью пахтанья о ровные, лишь слегка выующиеся пряди, лежащие по обе стороны чистого лба; цепь из желтого самородного золота, обвивавшая стройную шейку; маленький крестик, покоящийся у самого входа в сладостную долину блаженства, как бы для того, чтобы освятить это место и... но, черт возьми, не такому старику, как я, заниматься описанием женских прелестей. Достаточно сказать, что Эми пошел восемнадцатый год. Уже давно на ее канве появились сердца влюбленных, пронзенные безжалостною стрелою, и так называемые узелки верности, вышитые шелком темно-синего цвета; было очевидно, что она стала томиться по занятию более интересному и привлекательному, чем выращивание подсолнечников или засолка на зиму огурцов. В эту критическую пору в жизни женщины, когда сердце в девичьей груди, подобно своей эмблеме – медальону, что ее украшает, способно вместить лишь один образ – образ возлюбленного, – в доме Вольферта Веббера появился новый и частый гость. Это был Дирк Вальдрон, единственный сын бедной вдовы. Впрочем, он мог бы похвастать большим числом отцов, чем любой другой парень в провинции, ибо его мать имела ни больше ни меньше, как четырех мужей и одно-единственное дитя, так что, хотя он и был рожден от последнего брака, его можно было бы счесть запоздалым плодом долгих и усердных трудов. Этот сын четырех отцов вообрал в себя силу и другие достоинства всех породивших его. Если он и не происходил из большой и славной семьи, то ему самому, казалось, предстояло оставить после себя семейку немалых размеров, ибо достаточно было взглянуть на этого крепкого молодца, чтобы сразу увидеть, что он предназначен самою природою сделаться родоначальником могучей расы богатырей.

Этот юноша мало-помалу сделался чрезвычайно частым гостем семейства Вебберов. Говорил он немного, зато засиживался подолгу. Он набивал трубку отца, как только она выгорала; поднимал вязальную спицу матери или клубок ниток, когда они падали на пол; гладил пушистую шерстку рыжей с черными пятнами кошки и помогал дочери управляться с чайником, доливая его кипятком из ярко начищенного медного котелка, который пел свои песни на очаге. Все эти маленькие услуги могут показаться сущими пустяками, но всякий раз, когда истинная любовь переводится на нижеголландский, она неизменно находит свое наиболее красноречивое выражение только так, и отнюдь не иначе. Все это не осталось без отклика в семье Вебберов. Милый юноша снискал несомненную благосклонность матери; рыжая с черными пятнами кошка, хотя и принадлежала к числу наиболее равнодушных и жеманных представительниц своего вида, также, судя по ее поведению, одобрительно относилась к его визитам; котелок при его приближении начинал петь веселее и, казалось, приветствовал его своим «добро пожаловать», и если мы правильно прочитали застенчивые и робкие взгляды дочки, сидевшей за шитьем рядом с матерью, напустив на себя неприступный и важный вид – на ее лице играли при этом ямочки, – она тоже нисколько не уступала в своем расположении к гостю ни госпоже Веббер, ни старой кошке, ни котелку на огне.

Лишь один Вольферт не замечал, к чему клонится дело; погруженный в глубокие думы о росте города и капусты, он сидел и глядел в огонь, не роняя ни слова и попыхивая своею трубкой. Впрочем, как-то в позднюю пору, когда отменно любезная Эми, соблюдая обычай,

проводила своего возлюбленного со свечою в руке до выходной двери и он, также соблюдая обычай, чмокнул ее на прощанье, громкий звук его поцелуя отдался эхом в длинной пустой прихожей с такою силою, что достиг даже тупого на ухо Вольферта. Он медленно и не сразу докопался до нового источника беспокойства. У него и в помине не было мысли о том, что его собственное дитя, которое, казалось, еще только вчера карабкалось к нему на колени и играло в куклы и с детскими домиками, станет вдруг помышлять о возлюбленных и замужестве. Он протер глаза, огляделся и, наконец, понял, что, пока он грезил о разных вещах, его девочка превратилась в зрелую женщину и, что хуже всего, успела влюбиться. Это обстоятельство явилось причиною новых забот бедного Вольферта. Он был добрым отцом, но вместе с тем он был рассудительным человеком. Избранник Эми был парень трудолюбивый и деятельный, но не обладал ни землей, ни деньгами. Мысли Вольферта всегда вертелись вокруг одного и того же: в случае замужества дочери он не видел никакого другого исхода, как выделение молодым части своего огорода, доходов с которого и так едва хватало на текущие нужды.

Как подобает рассудительному отцу, он решил поэтому пресечь эту любовь в самом зародыше, и, хотя ему нелегко было пойти против своего отцовского сердца и из блестящих глаз его дочери скатилось немало безмолвных слез, Вольферт отказал молодому человеку от дома. Эми явила, однако, образец дочернего повиновения и почитания родительской воли. Она даже не хмурилась и не дулась; она не сделала попытки воспротивиться отцовскому деспотизму; она не злилась и не устраивала истерик, что непременно сделали бы многочисленные читательницы романтических романов и повестей. Нет, разумеется, она не прибегла к подобной героической чепухе, уверяю вас. Напротив, она покорилась, как подобает послушной дочери; она захлопнула парадную дверь перед носом возлюбленного и если когда-нибудь достаивала его свидания, то оно происходило или у кухонного окна, или через изгородь сада.

Все эти дела чрезвычайно тревожили Вольферта, и лоб его бороздили морщины, когда однажды в субботу, после обеда, он, глубоко задумавшись, направлялся в деревенский трактир, находившийся приблизительно в двух милях от города. Это был излюбленный приют голландской части общины, ибо трактирщики тут испокон веку были голландцами и в нем продолжали сохраняться дух и вкусы доброго старого времени. Помещался этот трактир в старинном, на голландский лад построенном доме, который когда-то, во времена первых переселенцев, служил, быть может, загородной резиденцией какого-нибудь богатого бюргера. Он был расположен поблизости от косы, прозываемой косою Корлира, которая далеко выдается здесь в Саунд и у которой прилив и отлив происходят с необыкновенной стремительностью. Почтенное и несколько обветшавшее здание можно было распознать уже издали благодаря небольшой рощице, состоявшей из вязов и платанов, которые, казалось, покачивая ветвями, гостеприимно манили к себе, между тем как несколько плакучих ив со своею грустною, поникшей листвою, напоминавшей каскады воды, рождали представление о прохладе, окружавшей этот очаровательный уголок в знойные летние дни. Сюда по этой причине, как я уже сказал выше, сходилась немало пожилых старожилы Манхэттена, и в то время как одни метали в цель кольца и играли в шепфлбоард¹ и кегли, другие глубокомысленно дымили трубками, беседовали об общинных делах и обсуждали городские события.

Вольферт Веббер направлялся в этот трактир бурным осенним днем. Ветер сорвал с вязов и ив последние листья, которые носились по полям шелестящими вихрями. Аллея, где обычно играли в кегли, была пустынна, ибо преждевременно наступивший холод загнал компанию под крышу трактира. Так как день был субботний, завсегдатаи клуба, главным образом чистокровные голландские бюргеры, к которым порою примешивались также пред-

¹ Игра наподобие бильярда.

ставители других наций и стран, что вполне естественно для города со столь смешанным населением, собрались в полном составе.

У очага в огромном, обитом кожей кресле восседал полновластный диктатор этого крошечного мирка, достопочтенный Рамм, или, как принято было произносить его имя, Рамм Рапли. По происхождению он был валлонец и знаменит древностью своего рода, ибо его бабушка была первым белым ребенком, родившимся в этой провинции. Но еще большую славу снискали ему богатство и звание: он много лет сряду занимал высокий пост олдермена, и даже сам губернатор при встрече с ним снимал шляпу. Обитым кожей креслом он завладел с незапамятных пор и восседал на этом своего рода троне, становясь все дороднее и дороднее, пока, наконец, по прошествии ряда лет не заполнил его целиком. Для подданных слово его было непререкаемо, ибо, обладая огромным богатством, он не нуждался в том, чтобы подкреплять свое мнение доказательствами.

Трактирщик ухаживал за ним с особенною предупредительностью, и это происходило не потому, что он платил более щедро, чем его собутыльники, но потому, что монета, полученная от богача, всегда кажется полновеснее. У трактирщика к тому же были всегда наготове какое-нибудь словцо или шутка, которые он и сообщал на ухо августейшему Рамму. Рамм, правда, никогда не смеялся и постоянно сохранял на своем лице выражение важности и даже угрюмости, чем несколько походил на большого цепного пса, но тем не менее время от времени одарял хозяина знаками своего одобрения, которые, представляя собою нечто, с позволения сказать, вроде хрюканья, доставляли хозяину неизмеримо большее удовольствие, чем раскатистый хохот менее богатого человека.

– Ну и ночка ожидает кладоискателей, – сказал трактирщик – в этот момент вокруг дома как раз бесновался, завывал и стучал в окна яростный порыв ветра.

– Как? Разве они снова взялись за дело? – сказал слепой на один глаз капитан английской службы на половинном окладе, весьма частый посетитель трактира.

– Конечно, – ответил трактирщик, – а почему бы и нет? Недавно им здорово повезло. Говорят, будто они нашли в поле возле садов Стюйвезента большую кубышку с деньгами. Люди считают, что она была закопана в стародавние времена самим Питером Стюйвезентом, голландским губернатором нашей провинции.

– Чепуха! – заявил одноглазый вояка, добавляя к большому стакану бренди немножко воды.

– Вы можете верить или не верить, это как вам угодно, – сказал трактирщик, несколько уязвленный словами английского капитана, – но всему свету известно, что когда голландцам, пришел конец и красные мундиры² захватили провинцию, губернатор зарыл значительную часть своих денег. Болтают сверх этого и о том, что пожилой джентльмен бродит и посейчас в наших местах, и притом в том же самом камзоле, в котором он изображен на портрете, что висит в родовой резиденции Стюйвезентов. – Чепуха! – повторил офицер на половинном окладе.

– Пусть будет так, если угодно! Но разве Корни ван Зандт не видел его как-то в полночь? Разве не ковылял он тогда на своей деревянной ноге по лугу и не держал в руке обнаженной шпаги, горевшей точно огонь? А чего ради ему там бродить? Не потому ли, что люди потревожили место, в котором он зарыл свои деньги?

Здесь трактирщика прервали гортанные звуки, доносившиеся с той стороны, где восседал почтенный Рамм Рапли. Звуки эти свидетельствовали о том, что он трудится над какой-то мыслью, а это было событием из ряду вон выходящим. И так как он был лицом слишком значительным и благоразумный трактирщик не мог позволить себе по отношению к нему неучтивости, он почтительно замолчал, дабы дать Рамму возможность высказать

² То есть англичане.

свое мнение. Дородное тело этого могущественного бюргера обнаруживало те же симптомы, что и вулкан в момент извержения. Сначала наблюдалось некоторое подрагивание живота, не лишенное сходства с землетрясением; затем из кратера, то есть из его рта, вырвалось облако густого табачного дыма; далее последовало какое-то клокотанье в горле, точно родившаяся в его мозгу мысль пробивала себе дорогу сквозь царство мокроты; потом прорвалось несколько отрывочных восклицаний, долженствовавших выразить эту мысль, но так и не выразивших ее, ибо их прервал кашель, и, наконец, прозвучал его голос. Он говорил медленно, но совершенно непререкаемо, как человек, который ощущает вес своего кошелька, если не вескость собственной мысли; каждая порция его речи сопровождалась продолжительным «пуф!» и следовавшим за ним клубом табачного дыма.

– Кто там болтает, что старый Питер Стюйвезент бродит ночами? – Пуф!

– Как это люди не уважают решительно никого? – Пуф, пуф! – Питер Стюйвезент сумел бы лучше распорядиться своими деньгами, чем закопать их в землю. – Пуф! – Я знаю семью Стюйвезентов. – Пуф! – Каждого из них. – Пуф! – Во всей провинции нет более почтенной семьи. – Пуф! – Старожилы!

– Пуф! – Рачительные хозяева! – Пуф! – И ничего общего с вашими выскочками! – Пуф, пуф, пуф! – И не смейте говорить мне о том, что Питер Стюйвезент бродит ночами! – Пуф, пуф, пуф, пуф!

Тут грозный Рамм нахмурил чело и сжал рот с такой силою, что у обоих углов его легли резкие складки; он принялся курить, да так яростно, что вокруг его головы вскоре собралась облачная завеса вроде той, что окружает вершину Этны, когда она начинает куриться.

Эта внезапная отповедь со стороны столь богатого человека водворила среди присутствующих гробовое молчание. Впрочем, сама тема была до того интересна, что никто не хотел от нее отказываться, и беседа мало-помалу возобновилась. Первое слово сорвалось с уст Пичи Прау ван Хука, так сказать, присяжного историографа клуба, одного из тех нудных, болтливых стариков, которые, как кажется, на старости лет начинают страдать недержанием речи.

Пичи мог рассказать за один вечер столько историй, сколько его слушатели могли бы переварить в течение месяца. Итак, он возобновил разговор с утверждения, что, по его сведениям, в разное время во многих местах их острова было выкопано множество кладов. Счастливицы, которым удалось их откопать, неизменно видели их перед этим три раза сряду во сне, и, что следует особо отметить, эти сокровища попадали в руки лишь отпрысков добрых старых голландских семейств; явное доказательство, что они в свое время были зарыты также голландцами.

– Вздор! Какие там голландцы! – вскричал офицер на половинном окладе.

– Голландцы тут ни при чем! Все эти клады были зарыты пиратом Киддом и его молодцами.

Эти слова задели за живое всю собравшуюся компанию. Имя Кидда было в те времена чем-то вроде чудесного талисмана, и с ним связывались тысячи всевозможных легенд и преданий. Офицер на половинном окладе взял на себя почин и в своих рассказах приписал Кидду решительно все грабежи и подвиги Моргана, Черной Бороды и великого множества прочих обогранных кровью буканьеров. Офицер благодаря воинственному характеру и пропитанным пороховым дымом рассказам пользовался среди мирных завсегдатаев клуба большим весом и уважением. Его рассказы о Кидде и о добыче, зарытой этим пиратом, постоянно соперничали со сказками Пичи Прау, который, не будучи в силах снести, что его голландских предков затмил какой-то чужеземец-буканер, закапывал на каждом поле и в каждом уголке окрестного берега богатства Питера Стюйвезента и его современников. Вольферт не упустил ни одного слова из этой беседы. Домой он возвращался в глубоком раздумье, полный великодушных мечтаний о скрытых богатствах. Ему казалось, что почва родного острова – золо-

той песок и что повсюду таятся сокровища. И при мысли о том, как часто приходилось ему беспечно ступать по тем самым местам, где под его ногами, едва прикрытые слоем дерна, лежат несметные клады, голова у него пошла кругом. Его ум был ввергнут в смятение этим вихрем новых для него мыслей. Когда его взору открылся, наконец, почтенный дворец его предков и крошечное царство, в котором так долго и в таком довольстве процветала династия Вебберов, он с отвращением подумал о своей жалкой участи.

– До чего ж, ты несчастлив, Вольферт! – воскликнул он, обращаясь к себе самому. – Есть же такие счастливчики, которым достаточно улечься в постель – и им тотчас же присятся целые горы сокровищ; после этого бери лишь в руки лопату и копай из земли дублоны, точно картошку; но тебе снится только нужда, и ты просыпаешься, чтобы прозябать в той же бедности; ты обречен копать на своем поле из года в год, и сколько бы ты ни трудился, тебе не достанется ничего, кроме капусты.

С тяжелым сердцем отправился Вольферт Веббер на боковую. Еще долго волновали его мозг золотые видения, и еще долго не мог он заснуть. Те же видения, впрочем, преследовали его и во сне, только теперь они сделались отчетливее и определеннее. Ему снилось, будто бы посередине своего огорода он наткнулся на бесчисленные сокровища. С каждым взмахом лопаты выбрасывал он наружу золотой слиток; бриллиантовые нательные крестики ярко горели в пыли; мешочки с деньгами оборачивались к нему своим приятным округлым брюшком, полным пиастров и высокочтимых дублонов, и сундуки, набитые до краев мондорами³, дукатами и пистаринами⁴, разверзали пред его восхищенными взорами чрево и извергали из себя свое блестящее содержимое.

Вольферт проснулся беднее, чем когда-либо прежде. Сердце его не лежало к обычным дневным занятиям, показавшимся ему жалкими и ничтожными; он просидел весь день в углу у камина, смотрел в огонь, и ему казалось, что это – слитки и груды золота.

Наступила, наконец, ночь, и ему привиделся тот же сон. Он снова был у себя в огороде, снова копал и снова наткнулся на клад. Вольферт счел весьма знаменательным, что ему дважды снилось одно и то же. И этот день он прогрезил, хотя то был день генеральной уборки, и весь дом, как всегда у голландцев, был перевернут вверх дном; он все же провел его, просидев неподвижно, среди всеобщего беспорядка, на своем месте у очага.

На третий день он отправился спать с трепещущим сердцем. Он надел свой красный ночной колпак наизнанку: считается, что это приносит удачу. Было далеко за полночь, когда его возбужденный мозг несколько успокоился и ему удалось уснуть. И опять повторялся все тот же сон, и опять он видел свой огород, полный золотых слитков и мешочков с золотыми монетами.

Вольферт проснулся в совершенном замешательстве и смятении. Сон, привидевшийся три раза сряду, как известно, не лжет, а если так, то он, Вольферт, – богач. Возмущенный и возбужденный, он надел жилет задом наперед, и это также было хорошей приметой. Он больше не сомневался, что где-нибудь на его земле, под капустными грядками, зарыты огромные деньги, которые скромно дожидаются того часа, когда примутся за их поиски, и сожалел, что так долго ковырял поверхность земли, вместо того чтобы копать в глубину. За утренним завтраком он настолько был погружен в свои размышления и мечты, что попросил дочку положить ему в чай кусок золота и, протягивая жене миску с оладьями, предложил ей отведать дублонов. Теперь его больше всего заботила мысль о том, как бы завладеть этим богатством тайно от всего света. Вместо того чтобы регулярно работать у себя на участке в течение дня, он начал тайком вставать по ночам и, захватив кирку и лопату, отправлялся копать и перекапывать СВОИ унаследованные от прадедов акры. В короткое время весь его

³ Мондор – португальская золотая монета.

⁴ Пистарина – вест-индийская золотая монета.

огород, такой нарядный и аккуратный, с рядами капустных голов – точно это и не капустные головы вовсе, а выстроенная в боевые порядки армия овощей – был разорен и опустошен, и в нем можно было увидеть неумолимого Вольферта в ночном колпаке и с фонарем и лопатой в руках, который, точно дух разрушения своей собственной овощной державы, слонялся между разбитыми в кровавой сече рядами капустного войска.

Каждое утро приносило новые свидетельства опустошений, произведенных минувшею ночью среди капусты всех возрастов и всех состояний, начиная от нежного, едва завязавшегося вилка и кончая взрослою головою; все они, точно какие-нибудь сорные травы, были безжалостно вырваны с корнем со своих мирных гряд и увядали тут же, на солнцепеке. Напрасны были уговоры жены, напрасно его дорогая дочурка пролиwała слезы из-за гибели некоторых ее излюбленных златоцветов. – О, у тебя будет достаточно золота другого рода, – вскричал он, ущипнув ее подбородок. – У тебя будет вязка дукатов в качестве свадебных бус, вот что у тебя будет, дитя мое!

Его семья стала всерьез опасаться, не помешался ли он. По ночам, во сне, он бормотал что-то о зарытых богатствах: о жемчугах, об алмазах, о слитках золота. Днем он бывал грустен, рассеян и ходил как во сне. Госпожа Веббер устраивала частые совещания со всеми старухами по соседству. Едва ли был такой час среди дня, когда бы около ее дверей не толпился кружок старых, опытных женщин, которые, покачивая головами в белых чепцах, сочувственно слушали очередную печальную повесть бедной госпожи Веббер. Что касается дочери, то она склонна была находить утешение в участвовавших тайных свиданиях со своим возлюбленным Дирком Вальдроном. Чудесные голландские песенки, которыми она обыкновенно оглашала и оживляла родительский дом, звучали теперь все реже и реже; она забывала порой о своем шитье и грустно смотрела в лицо отцу, когда тот, задумавшись, сидел у огня. Однажды Вольферт перехватил ее полный тревоги взгляд и на мгновение пробудился от золотых грез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.